

Чу Цзюбянь открыл интерфейс системы и действительно увидел, что в графе «Очки веры» красуется сияющая цифра «58»!

Он в неверии вышел из системы и зашел снова — за то время, пока он это делал, очки уже подросли до «59».

Что же случилось за эту ночь?

Чу Цзюбянь задумался и быстро догадался.

Видимо, вчерашние два стихотворения разошлись, и Цинь Сяо не стал скрывать его имя. Так что благодаря Ли Бо и Ли Цинчжао слава Чу Цзюбяня действительно пошла в народ.

И, несомненно, многие поверили в его «божественную» сущность, поэтому очки веры растут так быстро.

В глазах Чу Цзюбяня мелькнул лукавый огонек.

Всего за одну ночь — столько очков веры. Видимо, это вклад тех, у кого информация расходуется быстрее всех.

А когда рассветет, о стихах узнает еще больше людей, и очки веры продолжают расти.

Если так, то слова системы о том, что сегодня они могут перевалить за сотню, вполне реальны.

Такая радость с утра — настроение Чу Цзюбяня было просто замечательным.

Но то, что стихи за одну ночь дошли до стольких ушей — несомненно, заслуга Цинь Сяо, который подлил масла в огонь.

Какова бы ни была его цель, раз уж он невольно помог, Чу Цзюбянь уже не так болезненно воспринимал необходимость рассказать ему о том, что из селитры можно делать огниво и фейерверки.

Подумав так, он встал, оделся, умылся и пошел посмотреть, остыла ли селитра.

Услышав возню в комнате, Сяо Цзиньцзы, дежуривший снаружи спальни, спросил: «Господин, вы уже встали? Можно мне войти помочь вам?»

За вчерашний день все в Яотайцзюй поняли, что Чу Цзюбянь — господин нетребовательный, многое предпочитает делать сам и не любит, когда слуги суетятся.

Чу Цзюбянь уже надел верхнюю одежду и сказал: «Принеси мне таз с водой».

«Слушаюсь».

Вскоре Сяо Цзиньцзы и Сяо Иньцзы вместе вошли. Один нес ведро с водой, другой — мыльные бобы (цзаоцзя) для умывания и зубочистки (чиму) для чистки зубов.

Зубочистка — это просто ивовый прутик. Разжевывая его кончик, можно было чистить зубы.

Чу Цзюбянь снимался в нескольких исторических фильмах и любил изучать всякие мелочи, поэтому при возможности всегда учился. Он был знаком с этими предметами и ловко ими пользовался.

Они действительно давали эффект, но с зубной щеткой не сравнить. И мыльные бобы тоже уступали мылу.

Видимо, нужно будет при случае сделать зубные щетки, зубной порошок, мыло и прочие предметы повседневного обихода.

Но делать это нужно постепенно, нельзя, чтобы у Цинь Сяо сложилось впечатление, что он слишком рвется. А то тот перестанет его ценить или вообще превратит в удобный инструмент.

Умывшись, он кое-как связал сзади длинные волосы и вышел посмотреть на вчерашнюю селитру, которую оставил сушиться.

Сяо Сянцзы тоже встал и теперь бодро следовал за ним.

Чу Цзюбянь тщательно проверил уже очищенный селитровый порошок, убедился, что все в порядке, и сказал Сяо Сянцзы: «Как только закончится утренний прием (цзаочжао), пригласите вашего господина сюда».

«Слушаюсь, — кивнул Сяо Сянцзы. — Нужно ли мне еще что-то сделать?»

Чу Цзюбянь на мгновение задержался и повернул голову, взглянув на него.

Сяо Сянцзы тут же улыбнулся еще дружелюбнее, ямочки на щеках стали глубже.

Довольно симпатичный ребенок.

Шуй Цин и Шуй Юнь принесли с кухни в передний двор поднос с довольно обильным завтраком.

«Господин, завтрак готов», — обе одновременно поклонились Чу Цзюбяню.

Чу Цзюбянь кивнул: «Позавтракаю во дворе».

Двор хоть и не очень большой, но с некоторыми элементами садово-паркового искусства. Там была беседка, в которой стоял круглый каменный стол и четыре каменных скамьи.

Шуй Цин и Шуй Юнь, повинувшись, поставили завтрак на стол и встали в стороне.

Чу Цзюбянь подошел и сел. Сяо Сянцзы тут же подал ему палочки для еды.

Чу Цзюбянь взял их и между делом спросил: «А вы ели?»

«Мы уже позавтракали», — ответил Сяо Сянцзы.

Они действительно, еще до того как Чу Цзюбянь встал, умылись и поели, чтобы как следует прислуживать господину.

Чу Цзюбянь невольно взглянул на них троих и посмотрел в сторону главного здания: Сяо Цзиньцзы и Сяо Иньцзы убирались внутри.

Эти пятеро — его соседи, с которыми ему предстоит долго жить. Хотя они люди Цинь Сяо, если Чу Цзюбянь и Цинь Сяо официально станут неразлучны, возможно, у него появится шанс узнавать от них о том, что происходит снаружи?

В глазах Чу Цзюбяня мелькнул огонек.

Вскоре он позавтракал и снова медленно зашагал по двору.

Сяо Сянцзы стоял неподалеку. Сяо Цзиньцзы и Сяо Иньцзы подрезали ветки цветов и кустов во дворе, вырывали сорняки. А Шуй Цин и Шуй Юнь, убрав посуду на кухню и отдав ее грубой прислуге, тоже вернулись в главный двор и тихо встали под карнизом главного здания.

Чу Цзюбянь, прищурившись, посмотрел на встающее солнце. В ушах время от времени раздавалось пение птиц.

Прекрасный день, чтобы сблизиться с соседями.

И тут пятеро, и без того следивших за Чу Цзюбянем, услышали, как он тихо вздохнул.

Все невольно посмотрели на него. В лучах утреннего солнца стоял господин, подобный небожителю, в темно-синей мантии, с красным воротником нижней рубашки, отчего его и без того бледная кожа казалась еще более прозрачной и нежной.

А его светлые зрачки были устремлены куда-то вдаль, в сторону Янсиньдяня. Казалось, в них была тысяча, десять тысяч непередаваемых печалей.

«Лепестки цветов, кружась, уносятся водой. Тоска одна, но в двух сердцах — печаль. Чувства эти ничем не унять: только сбегут с нахмуренных бровей — на сердце заползают вновь».

У всех в головах почти одновременно всплыли эти строки, и стоящий перед ними Чу Цзюбянь словно превратился в того самого влюбленного из стихов, томимого тоской по любимому.

Шуй Юнь, будучи самой чувствительной, при виде этой картины невольно растрогалась и, не удержавшись, спросила: «Господин, у вас какая-то печаль?»

Сказав это, она словно очнулась, поняв, что переступила границы, и тут же поклонилась, прося прощения.

Но Чу Цзюбянь махнул рукой: «Ничего страшного».

И снова глубоко вздохнул.

Тут уж и Сяо Сянцзы не выдержал, озабоченно спросил: «Господин, если что-то случилось, скажите мне. Я сделаю все, что в моих силах».

Чу Цзюбянь посмотрел на него, скользнул взглядом по остальным и только потом сказал: «Да ничего особенного, просто соскучился по вашему господину».

«Со-соскучились...» — с трудом выговорил Сяо Сянцзы. — «По нашему господину?»

Чу Цзюбянь опустил глаза и больше ничего не сказал, только стоял, печальный и одинокий, погруженный в свои мысли, оставляя другим бескрайний простор для фантазий.

Не стоит недооценивать человеческое воображение. Свободные догадки и домыслы куда привлекательнее, чем любая история, придуманная самим Чу Цзюбянем.

И действительно, пятеро во дворе, кроме самого Чу Цзюбяня, переглянулись. В их глазах были удивление и недоверие.

Сяо Иньцзы прямо места себе не находил от любопытства. Не выдержав, он встал и незаметно

выскользнул со двора.

Об истории Чу Цзюбяня все они знали немного, только то, что он, кажется, таинственный человек, свалившийся с небес во время церемонии восшествия на престол, и что он умеет предсказывать дождь — об этом говорили по-разному.

Только ни одно из этих объяснений не подходило под ситуацию «Чу Цзюбянь тоскует по Цинь Сяо».

Сяо Иньцзы быстро вышел из Яотайцзюй и целеустремленно направился в Янсиндянь, чтобы расспросить тамошних евнухов. Ему нужно было во что бы то ни стало разобраться, иначе он просто не сможет ни есть, ни спать.

Чу Цзюбянь, конечно, заметил его, но сделал вид, что не видит.

Иди, разузнавай. Все равно придется разузнать про это «любовное испытание».

В голове снова раздался звуковой сигнал: [Поздравляю, хозяин! Ваши очки веры достигли 80. Есть надежда, что к полудню перевалят за сотню. Продолжайте в том же духе].

Ресницы Чу Цзюбяня невольно дрогнули.

Тем временем в доме заместителя министра по делам чиновников (Либу Шилан) в заднем саду собрались незамужние барышни из высшего света. Их было человек двенадцать-тринадцать, да еще с каждой пришли личные служанки — всего более тридцати человек.

Девушки в самом расцвете юности, одна краше другой, но платья на них были унылых, однообразных цветов, к тому же довольно мрачных. Ярких, красивых цветов — розового, желтого — не было ни у кого.

Это не потому, что девушки не любили такие цвета. Просто технологии крашения тканей были примитивны, и доступных цветов было всего несколько.

Одна девушка в чисто-белом длинном платье стояла в беседке, легонько обмахиваясь круглым опахалом. Звонким, живым голосом она с улыбкой говорила: «А мне больше всего нравится строка "В облаках кто пришлет ларец с парчой? Вернутся гуси, месяц светит в терем мой". Красота!»

«Вторая барышня Су (Су Эр сяоцзе) — это она любит прекрасный вид месяца, заливающего терем, или же того, кто пришлет этот "ларец с парчой"?» — многозначительно подшутила другая барышня.

Девушки тут же звонко рассмеялись.

Су Сиэр мгновенно залилась краской, ей стало и стыдно, и досадно: «Что за чушь! Не смейтесь!»

Девушки смеялись еще громче. Су Сиэр в смущении поспешила сесть, спрятавшись за спину сидевшей рядом девушки.

Эту девушку звали Чжао Сань сяоцзе, она была дочерью хозяина дома, заместителя министра по делам чиновников. Видя это, Чжао Си тоже улыбнулась, но все же прикрыла собой спрятавшуюся и сказала: «Ладно, хватит ее дразнить. Пусть лучше кто-нибудь еще прочтет свою любимую строку, это будет правильнее».

И тут же одна из девушек встала и прочла свою любимую строку. Все наконец оставили эту тему.

Чжао Си обернулась и посмотрела на сидящую рядом Су Сиэр. Та все еще краснела. Чжао Си снова улыбнулась.

Су Сиэр стало еще стыднее: «Ты тоже надо мной смеешься».

«Ладно, не буду». Чжао Си взяла ее за руку и, приблизившись к уху, прошептала: «Слышала, что этот главноуправляющий Ань (Ань Цзунцзюнь) в последнее время в большой чести. Твой отец, наверное, уже смотрит на него благосклоннее?»

Жар бросился Су Сиэр в лицо. Она машинально оглянулась по сторонам, убедилась, что их никто не слышит, и немного расслабилась.

Вспомнив о любимом, она тоже захотела поделиться с подругой, поэтому потянула ее за собой в другое место.

Чжао Си так и повела ее к себе во двор, и там они наконец смогли спокойно поговорить.

«Отец действительно перестал на него коситься, — в глазах Су Сиэр сияла радость. — Но отцу жаль так рано меня выдавать замуж, да и считает он того человека грубым воякой, который не умеет любить».

Чжао Си тут же возразила: «Кто сказал, что вояки не умеют любить? Я считаю, что господин главноуправляющий Ань — юный талант, он отличается от других вояк. К тому же, если ты выйдешь за него, это будет брак с человеком более низкого положения (дицзя). У него в доме нет старших, тебе будет свободно».

«Мама тоже так считает, — на лице Су Сиэр снова появилась грусть. — Но до сих пор мы виделись с ним всего два раза. Может, это только моя любовь, а он даже не знает, кто я».

«Как же так? Ты и красивая, и характер хороший, и семья у тебя знатная... — Чжао Си понизила голос и продолжила: — К тому же твой отец — "чистый сановник" (чуньчэнь), а господин Нин-ван как раз нуждается в таких. Господин главноуправляющий Ань — подчиненный господина Нин-вана. Если ты проявишь желание, этот брак непременно состоится».

Отношения между знатью в столице были сложными и переплетенными. Большинство были так или иначе связаны с четырьмя великими кланами и различными удельными князьями. Но нынешний министр финансов Су Шэн отличался. Его предки вместе с императором Уцзуном завоевывали мир, и последующие поколения тоже были преданы императорскому дому — «чистыми сановниками».

Сейчас Цинь Сяо представляет интересы Байли Хуна, интересы императорского дома. Никто не мог бы осудить Су Шэна за общение с ним.

Су Сиэр понимала, что это так. Но девичье сердце — ей хотелось, чтобы и ее любимый испытывал к ней ответные чувства.

В другом особняке в столице собрались молодые замужние госпожи. Они тоже обсуждали ту самую «Сливу срезанную».

В отличие от девушек, госпожи тоже улыбались и шутили, но между ними словно была какая-то преграда.

И, обсуждая стихи, они постепенно перешли к обсуждению людей.

От двух бессмертных, прославившихся в кругах столичной знати, до таинственного «господина Цзю».

«Этот господин Цзю смог узнать стихи, написанные бессмертными. Боюсь, он и вправду божество, спустившееся на землю».

«Я тоже так думаю. Иначе, как бы он мог появиться на церемонии восшествия, где такая охрана? Даже лучшие мастера цингуна в мире не смогли бы проникнуть туда незаметно».

«Оказывается, на свете и правда есть боги. У меня почему-то сердце не на месте».

«Я тоже всю ночь не спала. Утром пораньше и прибежала к вам. Может, после обеда сходим все вместе в храм Линцзюэсы, попросим монахов почитать сутры, чтобы на душе спокойнее было».

«Вот именно, давайте так и сделаем, — сказала госпожа, в чьем доме проходила встреча. — Обедайте здесь, отдохните немного и поедem в храм».

Госпожи поспешили отправить своих служанок домой с известием, чтобы готовили экипажи.

Раньше они тоже верили в духов и богов и часто вместе ездили в храмы молиться. Но теперь, когда «божество» оказалось прямо перед глазами, им стало не по себе, даже страшно, хотя они и сами не понимали, чего боятся.

Но такое благоговейное отношение к «божеству» Чу Цзюбяню было только на руку.

И действительно, за утро он видел, как его очки веры неуклонно растут. Сейчас они достигли высокой отметки «98». Еще два очка — и он сможет открыть Царство Бога!

В таком приподнятом настроении он встретил Цинь Сяо, пришедшего после утреннего приема, и маленького императора, шедшего на полшага впереди него.

Сяо Сянцзы и остальные тут же опустились на колени и поприветствовали.

Формально Чу Цзюбянь сейчас имел статус «простолюдина», к тому же человека без прописки (хэйху). Но он даже не думал вставать на колени.

Съемки съемками, но реально становиться на колени перед кем-то ему было неловко. Особенно перед трехлетним ребенком.

К тому же он сам назначил себя «божеством». Разве может божество подчиняться человеческим законам?

Может быть, из-за того, что его позиция была настолько естественной, никто и не подумал, что стоять — это неуважение. Наоборот, все считали, что так и надо.

Даже Цинь Сяо ни разу не потребовал, чтобы Чу Цзюбянь кланялся ему.

Байли Хун семенил короткими ножками довольно быстро. Он почти бегом приблизился к Чу Цзюбяню, задрал голову, смотрел на него сияющими глазами.

Из-за жары, хотя его и несли в паланкине, он все равно покраснелся и вспотел.

Вот он, главный герой в детстве.

Чу Цзюбянь, видя, что тот стоит неустойчиво, боясь, что малыш упадет навзничь, присел на

корточки.

Он изобразил добрую улыбку и первым заговорил: «Здравствуй, Ваше Величество».

Цинь Сяо стоял в двух шагах позади Байли Хуна — не слишком близко, но и не слишком далеко. Это было как раз такое расстояние, чтобы не давить, но в случае опасности успеть защитить.

Байли Хун, почувствовав доброжелательность Чу Цзюбяня, тоже улыбнулся, показав ряд белых зубов: «Здравствуй, Чу Цзюбянь».

Чу Цзюбяню показалось забавным, что такой маленький называет его по имени.

«Чу Цзюбянь», — нетерпеливо спросил Байли Хун, — «а где интересные вещи?»

Чу Цзюбянь взглянул на Цинь Сяо.

Тот держался невозмутимо и даже улыбнулся ему в ответ.

«Интересные вещи». Ах ты, собака Цинь Сяо, опять играешь со мной в эти игры.

Если он не сделает ничего интересного, маленький император решит, что его обманули?

Тогда Чу Цзюбяня можно будет обвинить в «обмане императора» (цицзюнь)?

И снова в тюрьму?

Чу Цзюбянь сохранил на лице невозмутимость, встал и сказал: «Пойдемте».

С этими словами он направился в главное здание.

Еще полчаса назад Чу Цзюбянь, прикинув, когда закончится утренний прием, поставил лед.

Сейчас жарко, время замерзания увеличится, но чуть больше получаса должно хватить.

И действительно, когда он открыл дверь главного здания, на него пахнуло прохладой.

Получилось.

Он вошел в комнату и снова повернулся к двери.

Маленький император и Цинь Сяо тоже вошли один за другим, и выражение их лиц в этот миг изменилось.

Цинь Сяо невольно нахмурился, а Байли Хун радостно воскликнул: «Чу Цзюбянь, у тебя в комнате так прохладно!»

Чу Цзюбянь, улыбаясь, указал на большую деревянную бадью, стоявшую в центре комнаты: «Ваше Величество, вот это и есть интересная вещь».

Байли Хун не сразу побежал туда, а сначала поднял голову и посмотрел на Цинь Сяо.

Взгляд Цинь Сяо упал на бадью, он смутно догадался, что там, и его сердце невольно забилось быстрее.

Если это действительно...

Легкомысленное, беззаботное выражение давно исчезло с его лица. Он широким шагом быстро подошел к бадье и заглянул внутрь.

В следующее мгновение какая-то струна в его мозгу, казалось, лопнула.

Там действительно был лед!

<http://bllate.org/book/17024/1584023>